

Стояла осень 1954 года. После Великой Отечественной войны прошло всего девять лет. Наш пятый «А» после звонка, сигнализирующего об окончании уроков, не расходился. Все сорок человек, более двух третей которых потеряли на фронте своих отцов, ждали встречи с человеком, который прошёл всю войну и вернулся живым. Помню, меня удивила необычная в классе тишина. Ни смеха, ни шуток. Подранки, дети войны...

Открылась дверь, и в класс, опираясь на тросточку, прихрамывая, вошёл в сопровождении директора школы невысокий ростиком, рябоватый и, как показалось мне, совершенно невзрачный человек. Мы встали, хлопая крышками стареньких, изрезанных перочинными ножичками парт, приветствуя вошедших. А человек, на которого никто бы не обратил внимания при встрече на улице, оказался нашим земляком — Героем Советского Союза, майором, командиром батальона, бравшего Рейхстаг. Это его бойцы первыми водрузили над зданием фашистского парламента знамя Победы. Простой парень из глухой деревеньки Талица нашего Сухоложского района, мобилизованный в армию в первые дни войны.

Я смотрела на майора ошарашенно: вот, оказывается, какие бывают герои! Ещё вчера они рисовались в моей голове как атланты, красивые, гордые красавцы-мужчины. Как Валерий Чкалов или Алексей Маресьев! Этот человек на героя никак не походил. Да и фамилия его оказалась такой, какие часто встречались в нашем городке, — Неустров, какая-то бестолковая, совсем не геройская!

Но награды на его груди! И все — боевые: ордена Александра Невского, Красной Звезды, Отечественной войны первой и второй степеней, медали «За отвагу», «За взятие Варшавы» и «За взятие Берлина». А самые главные — орден Ленина и медаль «Золотая Звезда» Героя Советского Союза! Такое несоответствие внешности и боевых заслуг меня просто шокировало, это явилось первым открытием в жизни, когда я поняла: человека надо ценить по поступкам, а не по красивым словам и обаятельным улыбкам.

Впоследствии, когда появились у нас телевизоры, я, рассматривая документальную хронику взятия форпоста фашизма — Рейхстага, всегда в каждом лице или командира, или простого солдата, рискующих собой во имя нашей счастливой будущей жизни, видела нашего земляка, тогда ещё капитана Советской армии Неустроева. И обязательно рядом — своего отца, пропавшего без вести в этой страшной войне. Но это будет потом.

Степан Андреевич рассказывал нам про войну. Мы слушали его, раскрыв рты, хотя говорил он тихо, иногда запинаясь, совсем не по-командирски, не по-геройски, словно стесняясь нас, подростков. Но вдруг неожиданно улыбнулся совсем как мальчишка:

— А знаете, ребята, не привык я красивые речи держать, давайте-ка задавайте мне лучше вопросы, а я буду на них отвечать.

И тут же вскочил с места самый маленький ростиком в классе мальчик Вова Конюшевский и вытянулся по-солдатски:

— Товарищ майор, разрешите обратиться?

— Обращайтесь, — улыбнулся Степан Андреевич.

— А вы помните свой первый бой? Расскажите нам про него.

Майор слегка задумался, прищурился одним глазом, посмотрел куда-то в потолок. «Наверное, он сейчас видит там, в небе, фашистские самолёты, слышит их рёв», — подумалось мне.

— Это было под Москвой, зимой сорок первого. Я тогда только окончил военное пехотное училище. Поступил в него в июне, а в декабре, спустя полгода, мне, восемнадцатилетнему новоиспечённому лейтенанту, пришлось уже командовать взводом. Полгода всего-то и учился (война!) — и сразу, с ходу,

попал в самое пекло. Необстрелянный офицер, мальчишка, и рядом со мной такие же, как и я, пацаны. Немцы пёрли, как дикие звери. Но за нами же была Москва, отступить было некуда!

Тут Вовка, не моргая смотревший своими огромными глазами на майора, согласно кивнул: дескать, само собой.

— И мы пошли в контратаку. Из этого боя я помню одно: бежал вперёд почти в сплошном дыму разрывов. Огненный смрад обжигал горло. Справа и слева от меня падали люди. Тогда, в том первом бою, я мало что понял, бежал, стрелял, в рукопашной штыком заколол немца, такого же, как и я, молодого парня. Долго он потом стоял передо мной: испуганные глаза, открытый рот и крик его: «Мутти!» И наши пацаны тоже кричали: «Мама-а-а!» В последние минуты жизни все люди на Земле вспоминают самых дорогих людей — своих мам: и немцы, и русские... Я до сих пор удивляюсь, как в том бою я остался жив и, более того, даже не был ранен. Это уж потом пошли и медсанбаты, и госпиталя...

— А сколько у вас всего было ранений? — не унимался Вовка.

— Ранений у меня было пять, дорогой мой мальчик. Первое ранение получил в августе сорок второго. Ранение очень серьёзное: как потом сказал оперирующий меня хирург, зазубренный осколок перебил два ребра и застрял в печени. Очнулся на пятые сутки в медсанбате, а потом несколько месяцев пролежал в госпитале. Но всё-таки вернулся к своим, в свою часть. И особенно не повезло мне в сорок четвёртом: три раза был ранен — в июне, октябре и ноябре. Но мы тогда были молодые, на нас заживало всё быстро, да и валяться по госпиталям времени не было: надо было гнать эту сволочь прочь с нашей земли. А вот нога до сих пор мучает меня, — Неустроев похлопал себя по бедру, — ранение тоже было тяжёлое. Случилось это под Старой Руссой. Я тогда командовал ротой. Из-за этих ранений и хромоты и забраковала меня медкомиссия, когда в сорок шестом я собирался поступать в Военную академию имени Фрунзе, — при этих словах майор тяжело вздохнул.

Аллочка Сычкова, моя подружка, тихая, худенькая, стеснительная девочка, всегда боявшаяся и голос свой подать, неожиданно для всех подняла руку:

— Товарищ майор! Расскажите, пожалуйста, как вы брали Рейхстаг!

Неустроев поднялся со стула, прихрамывая, подошёл к окну. Минуту молчал, видимо, раздумывая, с чего начать.

— Я тогда командовал уже батальоном в звании капитана. Помню, это было тридцатого апреля. В Берлине уже вовсю бул-ствовала весна, но никто её не замечал. Город бомбили жесто-чённо: кругом взрывы, огонь, дым. От свиста мин закладывало уши. Но знаете, ребята, каждый из нас чувствовал: всё, конец войне, ещё немного — и... В общем, весной там не пахло, а вот Победой — это уже точно. Перед нашим батальоном оказалась огромная площадь, превращённая в изрытое, перепаханное снарядами поле. Это поле на две части разделял канал, за кана-лом — немецкая оборона: траншеи, дзоты, зенитные орудия, поставленные на прямую наводку. Около орудий копошатся люди. В конце поля — какое-то серое здание с куполом и баш-нями. Мы не сразу поняли, что это и есть Рейхстаг.

— Вы не знали, как выглядит Рейхстаг? — глаза Аллоч-ки расширились от удивления.

— Вот представь себе, милая девочка, не знали. Шли к нему четыре года, и он представлялся нам каким-то не-обыкновенным: огромным, чёрным, страшным. А тут вдруг видим: обычное серое трёхэтажное здание, только с купо-лом. Взвилась серия красных ракет — сигнал атаки. Роты нашего батальона с криком «ура!» бросились вперёд. Но не успели пробежать и пятидесяти метров, как противник об-рушил на нас сотни мин и снарядов. Наше «ура» потонуло в грохоте взрывов. Вторая атака, как и первая, захлебнулась. И только с третьей атаки мы, теряя своих друзей и товари-щей... — майор замолчал, склонил голову.

Я отчётливо увидела, как он несколько раз сделал судорожное глотательное движение горлом. Промолчав почти минуту, повторил:

— Теряя своих друзей и товарищей, штурмом взяли глав-ный вход в Рейхстаг, закрепились в нём и удерживали его це-лые сутки, несмотря на потери и отчаянные попытки немцев выбить нас оттуда. Полковник Зинченко, который первый до-гадался, что перед нами Рейхстаг, отдал мне приказ: установить над ним, чего бы это ни стоило, штурмовой флаг нашей сто

пятидесятой Идрицкой дивизии. И мои разведчики — младший сержант Кантария, сержант Егоров, под руководством младшего лейтенанта Алексея Береста, — выполнившие этот приказ с риском для жизни, навечно остались в истории Великой Отечественной войны. Грузин, русский и украинец. Путь наверх расчищала им группа автоматчиков. Под ураганным огнём по Рейхстагу и с нашей, и с немецкой стороны пронести флаг на крышу и установить было сложно и страшно. И главное, очень рискованно. Только пошли они наверх (батальон расположился в вестибюле), поднялась такая стрельба, грохот, что сердце моё замерло. И вдруг всё стихло. Мы ждали. Вы знаете, к смерти нельзя привыкнуть. Тем более сейчас, когда вот-вот и закончится эта война. А так хочется жить, увидеть нашу Победу! И вернуться домой! Живым! Я терзал себя: послал солдат на верную гибель! Прошло примерно полчаса. Тишина. И вдруг — тяжёлые, неторопливые шаги по лестнице, ведущей сверху. Вдохнул облегчённо: так ходил только Берест. А вот и он! Ускорив шаг, подошёл ко мне. А я еле сдержал себя, чтоб не кинуться и не обнять этого смелого, рискованного по жизни парня. Мы с ним были почти ровесники: ему на ту пору исполнилось только двадцать, а мне — двадцать два. Не скрывая мальчишеской радости, со счастливой улыбкой на лице, отрапортовал: «Товарищ капитан! Ваш приказ выполнен! Штурмовой флаг батальона закреплён на фронто́не Рейхстага! — и совсем уже не по уставу: — Крепко! Век простоит!» Тут спустились сверху и Кантария с Егоровым. Кантария ворчит: «Гады, фуражку мне прострелили. Сволочи», — и ещё что-то по-грузински. Тут уж я обнял их и чуть не заплакал: все живые! Не поверите, впервые за всю войну, а ведь сколько смертей пришлось видеть...

— А как они смогли флаг там закрепить? — слышался голос с последней парты.

Это Саша Лейдерман, будущий инженер-конструктор, который впоследствии прославится на всю страну своими открытиями в области космонавтики, разработкой первого лунохода, заинтересовался технической стороной дела. Степан Андреевич удивлённо взглянул на него:

— Тебя действительно это интересует, мальчуган?

Саша потрянул копной своих волнистых, оранжевого цвета, волос:

— Да, конечно! Куда они флаг воткнули? Там же, наверное, кругом бетон.

Серьёзный Сашкин взгляд нетерпеливо ждал ответа.

— А они его и не втыкали, — в тон ему ответил майор. — Там на фронто́не у немцев были конные скульптурные композиции из бронзы. Вот бойцы и привязали древко ремнями к ним. И заполыхалось наше победное полотнище над Берлином, под чужим, неласковым вражеским небом как символ нашего непобедимого народа, чтоб знали все враги во все времена, что советский народ никому никогда не победить. И именно этому штурмовому флагу суждено было стать Знаменем Победы. Навечно.

И вот ведь чудо: весь класс, не сговариваясь, неожиданно встал. Первая — наша скромница Аллочка Сычкова. И захлопала в ладошки. А за ней — все мы. Майор смотрел на нас растроганно:

— Садитесь, садитесь, дорогие мои, вы ещё не всё дослушали, — и продолжил свой рассказ: — Я потом вместе с четырьмя своими боевыми товарищами сопровождал это Знамя на специально выделенном самолёте в Москву, чтобы оно открывало военный парад, посвящённый великой Победе нашего народа над фашистскими захватчиками. А тогда там, в Рейхстаге, поднялся такой счастливый гам, засияла такая радость вместе со слезами на наших лицах, что описать это просто невозможно. Никогда не забуду, как стоящий рядом со мной рядовой Подкорытов, смотря куда-то вдаль, за поверженный Рейхстаг, зло проговорил: «Это вам, фашисты, за мою мать, отца и за наш дом!» А я, обняв его, добавил: «Федька! За весь наш народ, за нашу Родину!» Выпили мы тогда все по сто фронтовых граммов, а кто и побольше, устроившись на снаряжных ящиках. И смешался запах устоявшейся гари в вестибюле с запахом нашей русской водки и отличной американской тушёнки.

Майору Неустроеву, когда мы познакомились с ним, исполнился тридцать один год, но мне, двенадцатилетней девчонке, тогда казалось, что это уже пожилой, много повидавший на своём жизненном пути человек.

— А вы участвовали в военном параде? — спросил кто-то из девочек.

Майор грустно покачал головой. Опять достал портсигар, повертел его в руках, снова положил на стол, не раскрывая, и сказал слова, которые своей неожиданностью нас повергли в шок:

— Нашего Знамени Победы на параде вообще не было.

— Как так, почему? Почему? Вы же привезли его из Берлина! На самолёте! — загадел весь класс.

Неустроев, оглядев нас, кивнул:

— Ну ладно, так и быть. Расскажу. Молодому поколению врать нельзя, — и повторил: — Знамени Победы на параде вообще не было.

Он так нас заинтриговал, что мы как будто перестали дышать: установилась тишина — ни шороха, ни шёпота.

— Принимал парад маршал Жуков. Планировалось, что открывать парад будет именно наше Знамя Победы и понесёт его наш расчёт. Но я, который должен был быть знаменосцем, и мои ассистенты, на полях сражений не научившиеся чётко печатать шаг, на репетиции не впечатлили Жукова, и он решил наше Знамя на Красную площадь не выносить, а передать на хранение в Центральный музей вооружённых сил. А нести его другим людям, посчитали, наверное, вроде как не совсем честно. И несли другое знамя, тоже нашей сто пятидесятой Идрицкой дивизии, но не то, первое, которое привязывали наши герои-ребята, рискуя жизнью, к фронту Рейхстага. Вот так-то вот. Обидно было нам, конечно. Помню, у меня, молодого, не искушённого ещё жизнью, мелькнула тогда в голове мысль: как в атаку идти, так Неустроев — первый, а вот на парад — не гожусь... — с грустной иронией произнёс майор и ещё раз оглядел весь класс.

Мы подавленно молчали. Кто-то из девочек даже зашмыгал носом. Долго ещё молчал класс. Молчал и Неустроев.

— Ребята, вы не будете возражать, если я выйду покурить? — вдруг обратился он к нам.

Мальчишки замахали руками:

— Да курите здесь, Степан Андреевич!

— И Ольга Николаевна не возражает?

Учительница улыбнулась:

— Вам — в качестве исключения.

И майор закурил, сделав всего две затяжки.

В конце, выслушав вопросы наших мальчишек, каким оружием капитан умеет пользоваться, сколько он лично убил фашистов, я, насмелившись, спросила его:

— Товарищ Герой Советского Союза! А вы не встречали на войне моего папу, Соколова Василия Петровича? Он пропал без вести... И я никогда не видела его...

Майор ответил не сразу. Какое-то время молчал, как бы вспоминая свои фронтовые встречи. Вот его рука машинально потянулась к портсигару на столе, но, взяв его и повертев в руках, опустил в карман кителя. Потом сел, вытянув перед собой изувеченную ногу:

— Подойди ко мне, дочка!

Как было непривычно слышать слово «дочка» из уст мужчины! Так меня называла только мама... Я поднялась, откинув крышку парты, на которой было вырезано: «Гитлер капут!» — и подошла к майору. Он взял меня за плечи и посмотрел мне прямо в глаза:

— Встречались мне за эти пять лет двое Соколовых. И оба Василия. А вот откуда они родом, не пришлось узнать: не до того было. Один погиб прямо на моих глазах в сорок третьем. А другого, старшего лейтенанта, — это было уже в Польше — забрали в разведку, в другую часть. Там готовилась какая-то важная секретная операция, — Неустроев глубоко вздохнул. — Так вот этот Василий очень похож на тебя. Жди, дочка, вот закончит он свою важную для нашей страны работу и вернётся. И маме своей передай. Пусть тоже ждёт.

— Она ждёт... Но почему он нам не пишет? Мама постоянно плачет... — говоря эти слова, я еле сдержалась, чтобы не расплакаться самой.

— Нельзя ему. Работа у него такая. Секретная. Поняла? — и Неустроев погладил мои косички. — И не плачь, ты же — дочь офицера! Иди садись, милая.

Ребята смотрели на меня восхищённо: ещё бы, у меня отец — разведчик! Как Николай Кузнецов! Вот это да! Помнится, тогда все мы зачитывались книгой Дмитрия Медведева «Это было под Ровно».

И тут мой взгляд случайно упал на Ольгу Николаевну: она отошла к окну, повернулась к нам спиной, но я отчётливо видела, что она белоснежным своим платочком вытирает слёзы.

Она плакала! Почему учительница плачет? Ведь у меня такая радость! Мой отец тоже герой! И он, наверное, жив! Я уже мысленно бежала домой, к маме, с этой радостной и счастливой вестью. Представила, как я взбегаю на второй этаж, открываю дверь и кричу на всю квартиру: «Наш папа жив!»

Когда мы прощались с майором Неустроевым во дворе школы, я уже смотрела на него совершенно по-другому: в моих глазах это был сильный, мужественный и красивый человек. В последний момент он отыскал меня глазами и подмигнул: дескать, держись, дочка! Я кивнула. И вдруг моя рука сама собой поднялась, и я отдала майору пионерский салют. Удивительно, но никто не смеялся над этим моим порывом ни в тот момент, ни в последующем. И почему-то с того дня наши мальчишки перестали вдруг называть меня «свёклой» за мои постоянно розовые в то время щёки.

И полетели годы. Много случилось в моей жизни, как и в жизни любого человека, которому посчастливилось дожить почти до восьмидесяти лет. Но та встреча с майором Неустроевым вселила в меня, двенадцатилетнюю девочку, пусть крохотную, но всё-таки надежду, с которой я жила много лет, что мой папа, разведчик, работающий в тылу врага, жив. И наша встреча с ним ещё впереди.

Дети войны. 5 «А» класс средней школы № 1 уральского города Сухой Лог. Незадолго до встречи с комбатом Победы. 1954 год